

Лехем

Озеро и пески... Место это во время войны называлось Жидяче. Здесь, да еще в помещении одиннадцатой школы фашисты расстреливали евреев городка. Всех - и старых, и малых. В местном краеведческом музее сохраняется страшная картотека насильственно погибших: семьи Ерухимовичей и Левицких, ученики Гриша Бернфельд (четвертый класс!), Сара и Рая Блох, Фира Бас, Сара Горелик... Стон и плач стояли по всему Присамарью...

Сейчас на месте расстрелов возвышается каменный памятный знак. А после войны пленные немцы строили здесь участок трассы Москва-Симферополь и наводили мост от церкви до Красного Кута. По горькой иронии судьбы жили они в одиннадцатой школе. На работу ходили колонной в сопровождении своих же конвоиров. Каждый раз за пленными с криками бежали мальчишки: «Хенде хох!», «Гитлер капут!», «Фриц, дай свисток!», «Фриц, дай зажигалку!» По мере передвижения колонны происходил обмен немецких поделок на горячие кочаны украинской кукурузы.

Но не мальчишки раздражали пленных.

Иногда за колонной шел седоватый еврей Давид, потерявший в войну всю свою семью. Почему-то он все время повторял: «Лехем, Лехем... Хлеба...» Говорили, что, выходя из окружения, он был ранен и контужен, и что осколок, оставшийся в голове, особенно сильно донимал его в плохую погоду. В такие дни он уходил из дома и бродил Бог весть где. Бедная Фрида, его мать, сбивалась с ног в поисках сына. Врачи предлагали сделать операцию и изъять осколок, но Фрида, холодея при одном только слове «трепанация черепа», не решалась везти больного в клинику.

До войны у Давида были жена и трое девочек. Работал он кузнецом на заводе, и краснокутяне просто одолевали его просьбами - уж очень хорошо отбивал он косы перед заточкой. Закончив дела, Давид спешил домой. Навстречу ему выбегали девочки и пели: «Кузнец, кузнец, отбей косе конец!» И отец счастливо смеялся.

Теперь же, глядя на пленных, он силился что-то вспомнить и - не мог. Кто-нибудь звал Фриду и она спешила увести сына, выговаривая: «Лехем, лехем!.. Это - звери, они уничтожили всю твою семью!»

Иногда с Фридой приходила и Сонечка - младшая сестра покойной жены Давида. Она гладила больного по выцветшей гимнастерке и тихонько прижималась к его руке...

Двое из немцев, сопровождавших колонну, были братьями. Старший, наблюдая за женщинами и Давидом издали, и близко не подпускал их к пленным. А младший, белокурый и совсем еще юный, выходил из себя: «Лехем, лехем... Будет тебе скоро лехем!»

Как-то летним утром, когда пленных отправили на работу, старшего брата оставили в школе, где уже третий день травили крыс. Он должен был помогать работникам санстанции - вытряхивал постели и выбрасывал всё съестное. Под подушкой брата он обнаружил кусок хлеба и, не задумываясь, съел его. На следующий день он уже не вел колонну. Младший брат, рыдая, закапывал труп старшего во дворе школы и проклинал все на свете: хлеб с крысиным ядом предназначался для вечно бормочущего еврея!..

А в это время Фрида везла Давида в клинику и молила Бога: «Барух ата адонай элогейну, мелех гаолом...» Сидевшая рядом Сонечка прислонилась к притихшему Давиду. Все трое со страхом думали, что с ними будет...

Но все закончилось очень хорошо. Через пару лет Давид окончательно выздоровел и женился на Сонечке, которая подарила ему близнят - Азочку и Альбинку. Он снова работал кузнецом на заводе и снова краснокутяне выстраивались к нему в очередь, чтобы отбить косы перед заточкой. Возвращаясь домой, он проходил по мосту, у насыпи которого его встречала Сонечка с близняшками, девочки смешно лопотали: «Кузнец, кузнец, отбей кесе конец!» И Давид, подхватывая их на руки, с благодарностью смотрел на жену.

Между тем, пленные немцы собирались в Германию. Одни ходили по городку и что-то покупали, другие выкапывали тела близких, чтобы перезахоронить их на своей, немецкой земле. Наконец, наступил день, когда поредевшая колонна пошла по мосту в последний раз. В последний раз немцы оглядывались на Жидяче...

Жизнь в городке продолжалась.

Велики и мудры дела твои, Господи...